

И. И. ГРИБУШИН

Свердловск

**УРАЛЬСКАЯ СКАЗОЧНАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ
К СТИХОТВОРЕНИЮ Ф. Н. ГЛИНКИ
«УСЛУГА ОТ МЕДВЕДЕЙ»**

Своеобразный поэт декабристского лагеря Федор Глинка, как и его передовые соратники по литературе, отличался постоянством интереса к русскому фольклору. Он нередко использовал в своем творчестве нормы фольклорной поэтики, народные произведения и представления о мире, подчас специально отмечая этот источник. Так, свои стихотворения «Суд божий», «Бедность и труд» или «Ворожба» он снабжает подзаголовками «народный рассказ», «народная сказка», «народное предание», хотя они и отличаются от народной прозы подчеркнутым дидактизмом в духе просветительства.

Эта ориентация поэта на использование духовных богатств народа сочеталась у него со стремлением донести свое творчество до демократического читателя, солдата и крестьянина, чем он несколько выделялся из среды декабристских писателей.

Солдатам он адресовал сборник стихотворений об Отечественной войне 1812 г., изданный в 1818 г. под заголовком «Подарок русскому солдату». И повесть его «Лука да Марья» начинается с обращения «к сельским чтецам, деревенским грамотеям», для которых написана. Автор верит в разум народа: «Пусть себе недобрые люди не русские болтают: «Серокафтанники-де не поймут, не сразумеют». Пустое! ведь и у мужика хоть армяк сер, да ум-то никто у него не съел!». Если книга крестьянам понравится, Глинка в следующих изданиях собирается рассказать им «о царях, королях, сильных могучих богатырях и дальних царствах», а также о нашествии Наполеона и его разгроме. Текст повести стилизован под фольклорные произведения. О Наполеоне говорится фольклорным тоническим песенным стихом, заметным даже без деления на стихотворные строки: «Подходил он с громом пушечным, словно туча, туча прозная!.. Как колышет ветер нивушки, колыхалось войско вражее...». Концовка же — рифмованный раешник в народном духе:

Рассказал же я сие всемогущему богу на славу,
Вам, добрые люди, в забаву:

И вам, мирные миряне!

Государевы и боярские крестьяне!

Близок к народному и язык повести: автор отмечает, что «все выражения заимствованы из песен, сказок, поговорок и пословиц, беспрестанно в устах народа обращающихся»¹.

Эта ориентация на читателя из народа возмущала представителей консервативного лагеря. Отражение их позиции — в ранней сатире Ореста Сомова «Поэты» (1823), который смеялся над тем, что Федор Глинка

Крестьян, солдатов наставлял

И прозой, и стихами².

Об использовании Глинкой как русского фольклора, так и творчества других народов (особенно карело-финского) неоднократно и интересно писал В. Г. Базанов, в сущности, заново открывший этого поэта для советского читателя.

Но в плане выявления связей отдельных произведений Глинки с русским фольклором остается сделать еще многое. Так, на наш взгляд, заслуживает внимания стихотворение «Услуга от медведей». Комментарий к нему пока сводится к указанию на первую публикацию в «Невском альманахе» за 1829 г.³

Думается, наше представление об этом произведении может обогатиться, если мы учтем не отмеченные в работах о поэзии Глинки народные истоки его. Как нам удалось выяснить, сюжет стихотворения совпадает с сюжетом бытовой новеллистической сказки, записанной Д. К. Зелениным в 1908 г. в окрестностях Екатеринбурга, ныне Свердловска, от сапожника Евсея Степановича Савруллина и напечатанной под заголовком «Медведко, или Постоялый медведь»⁴. Сравним эти произведения.

Уральская сказка сразу вводит нас в действие, определяя его место и основного участника: старик завел постоялый двор в сибирских лесах и разбогател. Глинка начинает рассказ развернутой картиной осенней природы и осенних работ, нарисованных живо и объемно:

Уж осень очень глубока:

Пустынней лес, полней река;

Краснеет даль главой кудрявая рябины,

И гриб и груздь под соль идет,

И сушится запас душистых малины,

И щебетливые собираются в отлет

¹ Ф. Глинка. Лука да Марья. Народная повесть. СПб, 1818, стр. 1—3, 19, 23.

² В. Г. Базанов. Ученая республика. М.—Л., 1964, стр. 236. Об авторстве О. М. Сомова см. примечания В. Э. Вацура. — Поэты 1820—1830-х годов, т. 1. Л., 1972, стр. 722—723.

³ Ф. Н. Глинка. Избранные произведения. Л., 1957, стр. 470.

⁴ Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Пермской губернии. Пг., 1914, № 37, стр. 258—260.

Куда-то за море жасатки...
Хозяйка в огурцы кладет пахучий тмин,
Пустеет огород, поля и нивы гладки.
Но пахнет лакомо дымящийся ювин
Зерном подсушенного хлеба...

Такие подробные описания природы и занятий людей, конечно, для фольклорных сказок нехарактерны. Для лирики Глинки они типичны: встречаются, например, в его стихотворении «Осень и сельское житье». Далее же «Услуга от медведей» развивается близко к содержанию сказки; действие тоже протекает ночью в доме близ леса:

И вот уж сумерки подкрались как-то с неба,
Осенний день за вечерел,
И страшный брянский лес темнел, темнел;
На стороне маячилась избушка,
В ней жил Мирон с женой и матерью-старушкой.

В сказке Савруллина после экспозиции вводятся в действие новые герои: сначала разбойники, потом вожак с медведем. Чтобы проезжие, ночующие на постоялом дворе, не помешали грабежу, один из разбойников в мундире станového сообщает старику о скором приезде губернатора и требует, чтобы дом был свободен. Поэтому хозяин не принимает ямщиков, просившихся на ночлег, но вожака с медведем пускает на ночь в конюшню.

У Глинки мужик живет одиноко, и маскарад с переодеванием разбойников не потребовался. Здесь мы сразу знакомимся с двумя вожаками и их медведями:

Вот к ним стучат: «Пустите на ночлег!
Мы двое вчетвером, но нет у нас помехи;
А завтра вам доставим смех,
Пирушку с пляской и потехи!»
То были два поводыря
И с ними два огромные медведя.
Мужик, постей благодаря,
Сказал мальчишке: «Ну, брат Федя!
Сведичка их в сарай, а ужинать со мной;
Я новосел; в избе нам негде поместиться:
Живу с старушкою, с парнишкой да с женой».
Вот ужин прочь, и всяк в своем углу ложится...

В тексте Савруллина ночью приезжают разбойники, переодетые губернатором и стражниками, требуют деньги, и старик отворяет сундук. Старуха выходит из избы якобы за мешком с медяками, а сама будит вожака медведя. У Глинки вожаков будить не пришлось: один из них сам увидел, что хозяевам нужна помощь:

Но гостю одному не спится:
Здоров, и на сене, и хорошо поел,
И уж медведь его, свернувшись, захрапел,
Товарищ тож храпит из всей поры и мочи.

Уж время близко к полуночи,
 А к гостю все не сходит в гости сон,
 И вдруг почувал он
 Какой-то шум, какой-то стон протяжный...
 Могучий, молодой и по душе отважный,
 Он из сарая вон, глядит, глядит:
 Изба в огне, но не горит!
 Он под окошко: видит... худо!
 Ватага удалых, их было семь на ючет
 (В стране лесной, в тлуши безлюдной),
 Хозяина, скрутив, на вениках печет
 И гаркают: «Давай казну!» Жена-хозяйка
 Тож связана...

У Савруллина вожак медведя вместе со своим зверем, звеня-
 щим цепью, как монетами, входит в дом вслед за старухой.
 У Глинки вожак сперва будит товарища, так как их двое:

Вот наш к товарищу: «Вставай-ка!
 Смотри: вот так и так! Медведей прочь с цепей —
 И по дубине им: скорей, скорей!»
 Встают, бегут в избу — там двери на запоре.
 Но ведь не свой же брат медведь!.. Не шутит в споре,
 Притом зверей толкнули под бока:
 «Бей, Мишка! Бей!...» И двери розно!
 И входят витязи с дубинами прегрозно.

В варианте Савруллина медведь шестерых разбойников убил,
 а шестерых подмял под себя живыми. У Глинки далее следует
 тоже расправа над разбойниками:

От радости у мужика
 Душа дрожит, а воры — кто куда попало.
 Однако ж им на пай достаточно достало.

Приездом станового и допросом уцелевших разбойников закан-
 чивается уральская сказка. В финале Глинки — тоже следствие,
 которое ведут судьи:

Связали нескольких — и в земский суд.
 И судьи — если мне рассказчики не лгут —
 Медведей налицо, по форме, призывали:
 Уж разумеется, они желали
 Удостовериться, узнать,
 Хотя бы с ставкою очною,
 Что могут иногда, порой иною,
 И нелюди людей спасти!

Наше сопоставление текстов сказки и стихотворения бесспор-
 но показывает совпадение их действующих лиц и основных мо-
 ментов сюжета. Там и тут события происходят в удаленном от
 другого жилья доме в лесу или близ леса. Хозяин принимает на
 ночлег вожака с медведем (или двух вожakov с медведями).
 Ночью нападают разбойники и угрозами или пытками требуют
 денег. В обоих случаях медведи побеждают разбойников.

Различия касаются деталей. Так, разбойники у Глинки не посылают разведчика и не наряжаются в одежду губернатора и его свиты. Более существенно другое различие. Герой уральской сказки богат, его дом — большой постоянный двор. Новосел Мирон в стихотворении Глинки живет в избушке — такой маленькой, что в ней помещается только его небольшая семья. Здесь разбойники нападают не на богача, и поэтому сочувствие читателя — полностью на стороне их жертвы, а расправа с ними — справедливое возмездие.

Если учесть, что «Услуга от медведей» Ф. Глинки напечатана еще в 1829 г., а уральская сказка записана почти 80 лет спустя — в 1908 г., проще всего предположить, что сюжет стихотворения Глинки, кстати, имеющего подзаголовок «быль», вошел в фольклор и зафиксирован Зелениным. Можно, на первый взгляд, найти факты, как будто подтверждающие этот вывод. Так, среди русских сказок сюжет очень редок: в своем указателе сказочных сюжетов Н. П. Андреев ссылается лишь на уральскую запись Зеленина⁵. Нет сказок с этим сюжетом в опубликованных фольклорных материалах Белоруссии и Украины. В крупнейших европейских сборниках вроде собрания братьев Гримм сюжет не встречается. И, тем не менее, кажущийся естественным вывод о том, что Глинка изложил реальный случай, а его стихотворение стало основой сказки, был бы ошибочен.

Дело в том, что этот сюжет, хоть и действительно редок, встречается все же не только в уральском сборнике сказок Зеленина. Так, подобные сказки записывались в Польше⁶. Известный финский фольклорист А. Аарне также отмечал бытование данного сюжета в сказочном творчестве эстонцев и финнов⁷. Предположить, что сказки этих народов возникли тоже на основе произведения Глинки, которое после публикации в альманахе в XIX в. ни разу не перепечатывалось, вряд ли можно.

Почему же явное переложение народной новеллистической сказки Глинка называет «былью»? Разбойничество как форма выражения социального протеста крепостного крестьянства было фактом реальной русской действительности того времени. Не случайно образы разбойников возникают в произведениях Пушкина, Гоголя, Лермонтова. Глинка тоже обращается к этой теме в ряде стихотворений разных лет: «Приключение», «Разгульные», «Песнь бродяги», «Попоня». К тому же «рассказчики», на которых поэт ссылается, видимо, передавали ему эту сказку как предание о

⁵ Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне, № 957, Л., 1929, стр. 70.

⁶ См.: «Kiermasz bajek», Warszawa, 1959, S. 127. Другие польские варианты отмечены в кн.: Ju. Krzyżanowski. Polska bajka ludowa, № 957, т. 1, 1962, S. 294. Благодарю профессора Л. Г. Барага (Башкирский университет) за указание на польские параллели.

⁷ Antti Aarne. The types of the folk-tale. Translated and enlarged by Stith Thompson, № 957. Helsinki, 1928, p. 144.

достоверном случае. Глинка сохранил их отношение к повествованию.

«Услугу от медведей» поэт написал во время своей ссылки в Карелию за участие в ранних декабристских обществах. Его произведение — свидетельство того, что данный сказочный сюжет в России 20-х гг. XIX в. был известен. Возможно, Глинка познакомился с ним именно в Карелии, где жило значительное число русских.

Попробуем очертить теперь районы бытования этого сюжета. Стихотворение Глинки указывает, скорее всего, на северную Россию. Добавив к этому другие записи у славян (Польша) и прибалтийских финских народов (Эстония и Финляндия), мы можем отметить, что все эти территории близки друг к другу, соединены Балтийским морем. Лишь вариант, записанный на Урале Зелениным, стоит особняком от них.

При этом нельзя сказать, что запись Зеленина — случайная для Урала. Сказка эта на Среднем Урале до сих пор продолжает жить, схематизируясь и упрощаясь до одного эпизода. Совсем недавно — в августе 1971 г. — еще один вариант ее записали В. Блажес и Г. Дунаева в д. Чандыри Тавдинского р-на Свердловской обл. от Бориса Иосифовича Давыдова⁸. Вот она:

Жила баба, одна жила, без мужика. Была у нее корова. Свела на базар ее, продала. Вот назад идет, мужика с медведем догоняет. Слово за слово — он к ней в ночевщики напросился. Ну, пришли, медведя в хлев посадили, сами напились, наелись, спать повалились.

Мало погода кто-то брякат в оконце. Баба соскочила с полатей, смотрит — это сосед.

— На базаре была?

— Была.

— Корову продала?

— Ага.

— Отдавай деньги, а то тебя зарежу, а избу спалю.

— А деньги в хлев спрятала, поди возьми.

Сосед — в хлев. Медведь его там сгреб, ухат... Сосед заревел и до сих пор ревет.

Итак, можно предположить существование одного варианта этой сказки в северной России. Этот предполагаемый вариант послужил в 1827 или 1828 г. основой для стихотворения Глинки. Другой записан близ Екатеринбурга в 1908 г. Зелениным. Третий — сравнительно далеко от Свердловска, в Тавдинском р-не, экспедицией Уральского университета в 1971 г.

Это позволяет проследить развитие русских вариантов за период более 140 лет. Это же говорит о близости уральской фольклорной традиции к севернорусской: ведь наиболее интенсивно русское население на Урал двигалось именно из земель северной России.

Два варианта: послуживший оригиналом для стихотворного

⁸ За указание на эту запись и разрешение опубликовать ее благодарю доцента В. В. Блажеса (Уральский университет).

переложения Глинка и записанный Зелениным — отличаются от польских, эстонских и финских тем, что в последних разбойники, не заходя в дом, сразу лезут в хлев, конюшню и попадают в лапы медведя. А в севернорусском и уральском разбойники врываются в дом и требуют от хозяина денег. Глинка рассказывает, как «затага удалых» пытается мужика огнем, разожженным прямо в избе («хозяина, скрутив, на вениках печет»), хозяйка тоже связана, разбойники «гаркают»: «Давай казну!».

Подобный эпизод очень знаком нам из других фольклорных произведений, например, из песни «Усы, удалы молодцы» в сборнике Кирши Данилова. Здесь действуют тоже «удалые молодцы», требующие от хозяина и хозяйки денег. Когда крестьяне боятся, что денег нет, атаман велит щепать лучину, класть огонь посреди избы и валить на него сперва хозяина, потом хозяйку. Мужик не выдерживает пытки и приносит кубышку. В вариантах этой песни из сборников М. Д. Чулкова и П. В. Киреевского все происходит в основном так же⁹.

И сборник Чулкова, и «Древние российские стихотворения» К. Данилова ведут нас в XVIII в. Впрочем, возможно, песня об Усах была известна и раньше. К дошедшему до нас фрагменту песни XVII в.:

Да ино за рекой деревня четыре двора,
Да во той во деревне мой милый друг живет,
Да он солоду не растит, а пиво варит...

В. П. Адрианова-Перетц приводит параллель из песни об Усах из сборника Кирши Данилова. Богатый мужик здесь

Живет на высокой горе, далеко в стороне,
Хлеба он не пашет, да рожь продает,
Он деньги берет да в кубышку кладет,
Он пива не варит и соседей не поит¹⁰.

Наблюдение интересное. Нам думается, что еще ближе к данному фрагменту текст песни об Усах из сборника Чулкова:

За Москвою за рекою что богат мужик живет,
Он хлеба не сеет, завсегда рожь продает,
Он пшеницы не пашет, все калачики ест,
Он солоду не растит, завсегда пиво варит.

Если это — не случайные совпадения формул, то можно высказать предположение, что какой-то текст, близкий по содержанию к песне об Усах, существовал уже в XVII в.

Следовательно, мы можем отметить большую древность эпизода пытки, восходящего, скорее всего, к песне об Усах. Возникает вопрос: Глиной ли введен фрагмент о пытке мужика огнем или существовал уже в народной сказке, которую он переложил стихами?

⁹ Три названных варианта песни об Усах см. в кн.: Народно-поэтическая сатира. Л., 1960, стр. 54—59.

¹⁰ Демократическая поэзия XVII века. М.—Л., 1962, стр. 170 (подчеркнуто мною — И. Г.).

Хотя тексты сборников К. Данилова и Чулкова были уже изданы и в 20-е гг. XIX в. достаточно известны, нам представляется, что объединение сказочного сюжета с эпизодом из песни об Усах восходит к новеллистической сказке, которая явилась основой для стихотворения Глинки. Этот вывод напрашивается из того, что следы воздействия песни об Усах мы находим и в уральских вариантах, записанных от Е. Савруллина и Б. Давыдова. Первая сказка картину пытки огнем уже утратила, но сохранила ряд других деталей, напоминающих содержание песни об Усах. Здесь, как и в песне, угрозам предшествует требование угощения и пир. А потом идет такой эпизод: «Выпили по стакану, речь пошла тут грубо:

— А где, старик, у тебя деньги?

— Какие, батюшко, деньги? Все в расходе!

Один из стражников, усатой, вынимает большой нож:

— Вот, старик, тебе! Деньги, показывай, где?

Старик с этого испугу отвязывал с пояса ключ от себя, отворяет им сундук...

Пытка огнем заменена угрозой ножом. Но зато сказано, что старику грозит именно «усатой», хотя ни раньше, ни позже не отмечались портретные детали персонажей. Атаман Усов превратился в усатого разбойника.

Да и в новой уральской записи угроза: «...тебя зарежу, а избу спалю» — тоже скорее всего рудимент того же песенного эпизода пытки огнем.

Следовательно, эпизод, не отмеченный в польских, эстонских и финских сказках на этот сюжет, явно возник на русской почве путем включения в сказку прозаического пересказа песни об Усах.

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод, что стихотворение Федора Глинки «Услуга от медведей» — совсем не «быль», а переложение народной новеллистической сказки, причем, как показывает сопоставление с уральской сказкой в записи Зеленина, сюжетно очень близкое к своему источнику. Такая точность отражения фольклорного материала — для поэтов-декабристов, обычно трансформировавших народное творчество в соответствии со своим романтическим методом, явление не вполне типичное. Это новый штрих для понимания того, как декабристы относятся к устной поэзии русского народа.

С другой стороны, именно из-за этой точности стихотворение Глинки дает нам возможность в основных чертах реконструировать сюжет его оригинала — севернорусской сказки, до нас не дошедшей или еще не записанной. Последнее тоже возможно, так как из-за сходства с «былью» сказка могла восприниматься в качестве документального повествования и рассказчиками, и фольклористами, поэтому не записывалась.

Вопрос о том, у какого народа данный сюжет возник раньше (у русских, поляков, эстонцев или финнов), решить по ограниченному числу записей и без детального анализа текстов невозможно.

но. Следует только отметить, что в стихотворении Глинки эта сказка переложена раньше, чем сделаны ее записи фольклористами в России — на Урале, а также в Польше, Эстонии и Финляндии, относящиеся к концу XIX — началу XX вв.

Русские сказки, в отличие от сказок на этот сюжет у других народов, включают в себя эпизод из песни об Усах, бытовавшей в XVIII или даже в XVII в. Но эти даты, пожалуй, нельзя переносить на историю данного сказочного сюжета: вставка эта, скорее всего, вошла в состав сказки тогда, когда скоморошья песня об Усах «угасала», переставала исполняться как песня, т. е. сравнительно поздно, но, конечно, раньше работы Глинки над его стихотворением.

Присутствие этого эпизода или следов его в русских вариантах говорит об общности их происхождения. Ведь трудно предположить, чтобы севернорусский и уральский варианты вбирали в себя один и тот же эпизод из песни независимо друг от друга. Видимо, эта контаминация произошла на севере России, откуда сказка с дополнением была принесена русским населением как в Карелию, так и на Урал.

Наконец, стихотворение Федора Глинки важно также для истории песни об Усах. Вариант из сборника Кириши Данилова обычно связывается, как и происхождение всего сборника, с Пермским краем (в работах О. Ф. и В. Ф. Миллеров, П. С. Богословского, А. А. Горелова). Для собрания П. В. Киреевского сильно сокращенный вариант записан С. П. Шевыревым в Саратовской губернии. Откуда происходит текст из сборника Чулкова — не известно.

Стихотворение Глинки дает нам еще один адрес, где песня об Усах была известна и в пересказе включена в сказку. Это северная Россия, возможно, территория Карелии или близкая к ней.
